
Особо важные дела. СК раскрыл подробности самых громких уголовных дел.

Ко Дню сотрудника органов следствия Российской Федерации, который отмечается 25 июля, Город55 взял интервью у руководителя второго отдела по особо важным делам регионального Следкома Михаила Зайцева

Для понимания

— Михаил Анатольевич, расскажите, с кем и с чем вам приходится работать?

— Наше подразделение — это 11 следователей, шесть из которых по особо важным делам, ваш покорный слуга и мой заместитель. Приоритетное направление в нашей работе — это расследование должностных преступлений в отношении высокопоставленных персон: депутатов, глав муниципальных образований, чиновников, руководителей различных

департаментов, министерств и ведомств, а также сотрудников силовых структур. Часто это особо резонансные дела, которые на слуху в обществе, которые, так или иначе, касаются известных в регионе, да и не только, личностей.

— В основном это дела, связанные с коррупцией?

— Не только. Всевозможные мошенничества, самые распространенные из которых сейчас — при заключении госконтрактов, хищения, халатности и превышения должностных полномочий в крупном и особо крупном размерах — вот это все и есть наш каждодневный хлеб.

— И сколько таких дел в отношении высокопоставленных персон вы собираете за год?

— В среднем у каждого нашего следователя всегда в производстве находится по три-четыре дела. Таким образом, в год у нас бывает около 40 уголовных производств, из них порядка 30, иногда и чуть больше, уходит в суд. Просто бывают и прекращенные дела. Например, условный чиновник из-за своей лени, по недосмотру, подписал некие акты приемки выполненных работ. Смотрим, анализируем: ни подрядчик, ни наш фигурант друг друга не знают, заинтересованности никакой, но лишние деньги ушли на счета — халатность налицо.

— Возбуждается дело?

— При наличии оснований возбуждается уголовное дело, но иногда факты противоправных действий выясняются уже по прошествии длительного времени, когда, например, проверка казначейства вскрыла эти факты. Вызываем чиновника, а он нам: «Да мне пачку документов заносили, я и подписывал не глядя». К слову, в свое время такую вот сказку нам рассказывал вице-губернатор Юрий Гамбург. Однако мы к этому относимся критически: это ваша прямая и должностная обязанность — все проверять, а не строчить подписи «с закрытыми глазами». Потому и факт халатности тут налицо. В случаях же, когда к моменту возбуждения уголовного дела истекают сроки давности привлечения к уголовной ответственности, тогда с согласия подозреваемых уголовное преследование может быть прекращено по нереабилитирующему основанию, но на это не сразу подозреваемые соглашаются.

— Осознание приходит позже?

— Так и есть: посидел, подумал, взвесил все за и против, пришел — мол, хорошо, закрывайте дело за сроком давности. Отказать мы не имеем права по закону — прекращаем производство.

Совещания без имен

— Михаил Анатольевич, а как удается вскрывать такие преступления, ведь понятно же, что они глубоко законспирированы?

— Верно подмечено: с конспирацией у наших фигурантов сейчас все на высшем уровне. *(Смеется.)* Все ушли в мессенджеры. Бывает, слушаешь прослушку: общаются по телефону, а как только речь заходит о щекотливых темах, сразу звучит фраза: «Пошли в «телегу». В последние годы практически все в «Телеграм» и ушли. Но и там оперативные сотрудники уже научились их ловить.

— **Оперативные? То есть взаимодействуете с другими силовыми ведомствами?**

— Да, работаем в тесном взаимодействии с сотрудниками УФСБ и Управлением по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции УМВД по Омской области, а также со службами собственной безопасности различных правоохранительных структур. Как правило, от них нам поступают материалы оперативно-розыскной деятельности, где в 95% случаев уже есть все основания для возбуждения уголовных дел. Либо все заранее обговаривается, например, сотрудники регионального ФСБ приходят к нам и, не называя данных подозреваемого, обрисовывают имеющиеся факты. Садимся, обсуждаем, смотрим судебную практику и вместе решаем: есть или нет основания для уголовного преследования.

— **А как же доследственные проверки?**

— Отвечу такими словами: «Мы работаем не в доследственном, а в следственном комитете». Отсюда и мое отношение к проверкам — я не сторонник ими заниматься. Если мы видим, что есть все основания для возбуждения уголовного дела, то для чего нужны лишние проверочные мероприятия? Ведь они не дают возможности собирать какие-либо доказательства, максимум можно провести опрос, осмотреть место происшествия, документы, но без их изъятия. Последнее, как и обыски, возможно только в рамках уголовного производства. Потому мы и работаем по такому принципу: возбудили дело, и рано утром всем отделом едем по адресам с обысками. И такая тактика дает очень неплохой эффект, особенно по сбору доказательств. С проверками так не получится: можно потерять половину доказательной базы.

— **Чистят, моют, убирают?**

— Не просто чистят, а стараются уничтожить все и вся. Смотрите сами: при проверке мы уже опросили нашего фигуранта, он уже в курсе, за что и почему его могут привлечь, и он отлично знает, где и что у него не так. Вот и начинают такие люди уничтожать и жечь бумаги, чистить компьютеры, сотовые, флешки и другие электронные носители. Словом, стараются упрятать все с концами по максимуму. Потому и нет никакого смысла заходить в эти проверки.

И рыба и мясо

— **Михаил Анатольевич, а теперь о делах насущных и не только. Для начала — что-то из свежего.**

— Из свежего, пожалуй, расскажу об уголовном деле главного ветеринарного врача одного из подразделений Бюджетного учреждения Омской области «Омский областной центр по профилактике, экспертизе и лечению животных». Отвечать перед законом он у нас будет сразу по двум составам преступных деяний — это за взятку и служебный подлог. В чем там соль: врач получал вознаграждение от омских предпринимателей за выдачу сертификатов на животноводческую продукцию без каких-либо анализов.

— В обход системы «Меркурий»?

— Как раз нет. Есть определенный регламент: обращается какой-либо бизнесмен за сертификатом, ветврач проверяет продукцию, проводит необходимые анализы, после чего со своей учетной записи со своим паролем вносит все это в «Меркурий». Наш фигурант этот процесс несколько упростил: никаких анализов не проводил, а просто вносил нужные сведения и выдавал сертификаты. За это, собственно, и получал взятки: от 15 до 50 тысяч рублей. На данный момент уже установлено пять эпизодов, но, думаю, их будет больше. Что касается служебного подлога, то это проверка прокуратуры, поскольку в документы вносились ложные сведения.

— А качество той самой продукции было на уровне, или все же имелись нарекания?

— Все проверили, все изучили, но никаких нареканий от потребителей не было: все живы и здоровы, все благополучно продалось, да и качество было на уровне, поскольку платили этому врачу известные и крупные предприниматели.

— Их имена не разглашаются, как я понял. Но им тоже что-то грозит?

— Да, разглашать их мы не будем. После того как мы пришли к ним с обысками, они сразу начали сотрудничать и пояснили, что, по сути, это сам ветврач поставил их в такие условия: мол, для них эти суммы были несущественные, а вот время, которое они могли потерять, и прибыль, если бы наш фигурант стал тянуть со сроками выдачи сертификатов для тех, кто не платит, были куда важнее. По поводу преследования: закон у нас устроен так, что взяткодателям дали поблажки: согласен сотрудничать, даешь показания — освобождаешься от ответственности. Собственно, здесь будет как раз эта история.

Богатые сидельцы

— С прошлого года внимание многих приковано к делу бывшего руководителя УМВД по городу Омску Евгения Быкова. Кто-то еще из силовых структур попал в поле вашего зрения?

— В памяти сразу всплывает дело бывшего заместителя начальника омской Лечебно-исправительной колонии № 2. Дело в том, что наш подозреваемый чуть ли не сам ездил по

колониям Омской области и подбирал состоятельных заключенных. После этого всеми правдами и неправдами уговаривал их на перевод в ЛИУ № 2.

— **Как именно?**

— Кого-то заманивал облегченными условиями содержания, а кому-то и угрожал: мол, останешься здесь — сделаю так, что хуже будет. Люди соглашались, переводились, а в ЛИУ № 2 с ними уже начинали работать посредники, в основном из числа осужденных ЛИУ. В результате родственникам последних на карты и другими способами те самые богатые заключенные (опять же через близких и друзей) переводили различные суммы, от 100 до 200 тысяч рублей.

— **Неплохо. И много уже таких вознаграждений набралось?**

— Установлено на данный момент 10 эпизодов, но это только за два последних года, но мы копнем и дальше, так что будут и другие. На данный момент в деле уже фигурирует сумма в несколько миллионов рублей.

— **Сам он вину признает?**

— Нас он пытается заверить, что деньги, дескать, были нужны на ремонт самого учреждения, но для нас это все равно взятка. *(Подробнее, почему это взятка, Город55 объяснял на примере дела замминистра Владимира Сычева)*. Что-то в колонии на эти деньги и правда делалось, но сути это не меняет: например, установил ты в кабинете дверь — значит, улучшил свое рабочее место, получил выгоду, а деньги на эту дверь — с помощью угроз и насилия или обещаниями некой выгоды взяткодателям. Вот и весь расклад. Ну не могут вот такие фигуранты никак понять, что спонсорской помощи для различных госструктур у нас в стране не существует, а если и есть, то это очень сложная и трудоемкая процедура. Все остальное однозначно будет трактоваться как взятка.

Из Турции на Кипр

— **Хотелось бы спросить про дело экс-главы министерства здравоохранения Ирины Солдатовой. Как обстоят делам с ним?**

— Скажем так, мы ждем «возвращения» Солдатовой из-за границы. Сейчас активно взаимодействуем с Центральным аппаратом СК, Генпрокуратурой и Интерполом по содействию в ее поисках. А так у нас вся доказательная база собрана, как только фигурантка появится в России, мы с радостью выслушаем ее позицию, и все: ознакомление с материалами дела — и в суд.

— **А вообще есть хоть какая-то информация, где сейчас находится Солдатова?**

— По последней информации, она была на Северном Кипре. Вообще Солдатова периодически перемещается, так сказать, курсирует между Турцией и Кипром. Пока что общаемся с ее адвокатами — и московским, и местным. Они заваливают нас прошениями о проведении своих экспертиз. Отбиваемся, поскольку в своих мы уверены на все 100 процентов, ведь наши эксперты подписывали бумаги об уголовной ответственности. А где и как проводились те, мы не знаем. Однако все равно тщательно анализируем все, что приходит с той стороны, но стоим на своем: наши более объективные.

Что нам стоит сад построить

— **Еще один чиновник рангом чуточку пониже — это Владимир Сычев. Интересует ваша позиция в отношении него по делу о задержке со строительством детских садов и школ в Омской области.**

— По детским садам и школам у нас замкнутый круг получается: все валят друг на друга. Министр (*строительства. — прим. ред.*) уверяет, что за все в ответе «Омскоблстройзаказчик», там, в свою очередь, пеняют на подрядчиков, а те — на проектировщиков.

— **То есть виновных нет?**

— Есть, и отвечать им придется. Я сам досконально изучил это дело и вижу, что за эти стройки отвечал как раз Владимир Сычев. В его должностные обязанности входило курирование «Омскоблстройзаказчика», то есть именно он должен был контролировать и координировать деятельность этого бюджетного учреждения. Однако, видимо, ему было не до того, он своим бизнесом занимался, проблемы решал, долги гасил (см. уголовное дело о взятках здесь). И что мы видим в итоге: деньги выделены, часть из них не освоена, некоторые объекты до сих пор не сданы, на других постоянно сдвигались сроки. Но ведь тебя же поставили куратором, ты замминистра, сидишь в различных комиссиях, так воздействуй на нерадивых подрядчиков, чиновников, заявляй на них в правоохранительные органы. Но нет — ничего этого и в помине не было.

— **А не получится ли так, что найдут или назначат крайнего?**

— Переложить вину, например, на банального начальника какого-нибудь отдела в «Облстройзаказчике» в этом деле не получится. Чиновник такого уровня и не смог бы на что-то повлиять, а вот уровня замминистра — смог бы, если бы захотел вникнуть в ситуацию и занимался бы своей работой. Как минимум здесь налицо все признаки преступной халатности. К слову, и Сычев в своих показаниях все сваливает на «Омскоблстройзаказчика», мол, вот там пусть и отвечают. Нет, так не получится и не будет.

Легкое падение

— **Не могу не спросить и про редкое не только для Омской области, но и для России уголовное дело об ограничении конкуренции. В отношении директора «Стройсервиса» и бывшего руководителя «Омскавтодора» — что там?**

— Фигурантам мы предъявили официальное обвинение по статье 178 УК РФ «Ограничение конкуренции». Вину они не признают и по-прежнему считают и уверяют, что никакого сговора между ними не было. Однако все доказательства у нас собраны, готовим дело к завершению и, думаю, в третьем квартале направим его в суд.

— **Недавно УФАС выявило картельный сговор между «Стройсервисом» Вагнера и ООО «СибРос». Этот эпизод в дело не попадет?**

— В их деятельности это далеко не единственные эпизоды. Ждем окончания всех проверок от антимонопольного органа, и, возможно, выделим все это в отдельное производство. Поймите, такое дело в чистом виде первое в Омской области, да и по России их единицы, тем более в особом порядке. Такие деяния сложно доказуемы, но у нас есть материалы оперативно-розыскной деятельности, где, в том числе, присутствуют их разговоры.

— **И что там, если, конечно, это не тайна следствия?**

— Кое-что приоткрою, например, как они обсуждают, что оба зайдут на те аукционы, что других пускать не будут, что, мол, надо будет сделать небольшой шагок — упасть чуть-чуть, на полпроцента. Понимаете, всего 0.5 процента в договоре на миллиард и более.

Преступная, но не халатность

— **Михаил Анатольевич, знаю, что в производстве вашего отдела находятся дела о майских пожарах. Такой вопрос: почему мэру Называевска вменяется злоупотребление, а не халатность?**

— Смотрите, в деле есть показания сотрудника МЧС, который утверждает, что заваливал Виктора Лупиноса письмами, предостережениями, где указывал и просил скосить траву. Однако ничего этого сделано не было, и итог нам известен. Получается, что он знал о проблеме, но умышленно ничего не предпринимал, потому тут ни о какой халатности не может быть и речи.

— **А что по Новоалександровке? Будут ли отвечать рабочие, которые и варили те злосчастные трубы?**

— Будут, и очень скоро. Готовимся возбуждать уголовное дело по статье «Нарушение правил безопасности при производстве строительных и иных работ, повлекших по неосторожности смерть человека» в отношении мастера подрядной организации, работники которой и варили

те самые трубы. Делали они это открытым способом, что запрещено. Вообще там вскрылось сразу несколько нарушений норм и правил. Скорее всего, также в третьем квартале передадим эти дела в суд.

— Я уже неоднократно был в Новоалександровке, и пострадавшие люди там волнуются, что им придется зимовать в вагончиках. Этот вопрос вы контролируете?

— Могу заверить, что на улице никто из них не останется и зимовать в вагончиках не будет. Держим вопрос на контроле. Нам поставлена задача восстановить права граждан, которые лишились жилья.

— И, пожалуй, последний вопрос: лично вам какие дела даются труднее всего?

— Да все они не из легких, но лично мне тяжело даются дела в отношении коллег — сотрудников правоохранительных органов, тех, с кем пересекаешься по службе. Для меня это неприятно.

— Что ж, спасибо за беседу. И с праздником!

— И вам спасибо.

25 Июля 2022

Адрес страницы: <https://omsk.sledcom.ru/folder/879089/item/1708806>